

տողի գրերի գլուխները կիսով չափ կտրատված են: Նույնը կարելի է ասել № 5 արձանագրության լուսանկարի մասին, որտեղ առաջին տողի վերջում Ա գիրը և երկրորդ տողում ա գիրը վնասված են: Երկրորդ տախտակի 6 և 7 լուսանկարների գրերի գլուխները և ասորին վերջավորությունները նույնպես վնասված են: Զորրորդ տախտակի վրա նկարների ծայրերը կտրատելուց շատ է վնասվել 18 լուսանկարը: Վեցերորդ տախտակի 21 և 22 լուսանկարները կտրատելուց շատ են տուժել, 22-րդ լուսանկարի վերջին տողի գրերի միայն գլուխներն են երևում: Նույն տախտակի 24 լուսանկարի սկզբի տառերն ասես առաջին գիրը կտրված է և այդ բառը կարդացվում է արուն և այլն:

Անհաջող է նաև լուսանկարների դասավորությունը: Տախտակների վրա տեղավորված լուսանկարներն ունեն իրենց հերթական համարները, անկախ արձանագրությունների համարներից, բայց բացակայում են 14, 37, 59, 90, 91, 146 և 147 համարների լուսանկարները: Մի լուսանկար էլ ունի երկու համար՝ 109 և 111: Բացի դրանից, լուսանկարների համարակալության մեջ կան համարների անսկզբի կրկնություններ, որոնք դժվարացնում, նույնիսկ անհնարին են դարձնում լուսանկարների օգտագործումը: Այսպես, 17 համարի տակ եղած երկու լուսանկարներն էլ 39 արձանագրության մասերն են ներկայացնում: 53 համարով կա դարձյալ 2 լուսանկար, մեկը՝ 158 և մյուսը՝ 159 արձանագրության համար: Երկուստեան լուսանկարներ կան նաև հետևյալ համարների տակ. 54, 56, 62, 73, 76, 101, 124, 134, 135, որոնք կամ տարբեր արձանագրությունների են պատկանում (62, 101, 134, 135) և կամ միևնույն արձանագրության մասերն են ներկայացնում (54, 56, 73, 76, 124): Երեքական լուսանկարներ են գրված 92, 107, 124, 179, 343 համարների տակ, որոնցից 107-ի երեք լուսանկարներն էլ միևնույն արձանագրության (№ 288) մասերն են ներկայացնում, իսկ մնացածները բոլորն էլ տարբեր արձանագրությունների են պատկանում:

Բազմաթիվ սխալ ցուցումներ կան արձանագրությունների տակ բերված լուսանկարների և տախտակների վերաբերյալ, որոնցից մի քանիսը նշված են նկատված վրիպակների ցանկի մեջ, իսկ մի մասը՝ ոչ:

Այս բոլորը խիստ դժվարացնում են նկարների օգտագործումը, իսկ եթե մեկը ցանկանա լուսանկարով դանել արձանագրությունը, այդ նրան չի հաջողվի, որովհետև լուսանկարների տակ չի նշված, թե նրանք որ արձանագրությանն են պատկանում:

Լուսանկարների առանձին համարակալությունը բոլորովին ավելորդ է: Լուսանկարի տակ պետք է գրել միայն արձանագրության համարը և ուրիշ ոչինչ, իսկ արձանագրության վերձանություն տակ՝ տախտակի համարը: Ինչ խոսք, որ առավել լավ է, եթե լուսանկարները ոչ թե գրքի վերջում, այլ վերձանություն հետ միասին ապագրվեն, այն ժամանակ նույնիսկ գրքի էջերը շրջելու կարիքը չի լինի:

* * *

Վերջում ուզում ենք բնդգծել, որ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտը զիտական խոշոր գործ է ձեռնարկել: Այդ մեծ գործը պահանջում է լավ մշակած սկզբունքներ և կանոններ: Ս. Բարխուդարյանը վիճական արձանագրությունների լավագույն մասնագետներից մեկն է, բայց 15—20 հատորանոց համահավաք ժողովածուն կազմելը մի մարդու ուժերից վեր է: Ինստիտուտն այդ աշխատանքի շուրջը պետք է համախմբի նաև այլ մասնագետների և ստեղծի մեայուն կազմ՝ գործը հաստատուն և ծրագրված կերպով առաջ տանելու համար:

Անհրաժեշտ է նաև կազմել Շափայերում վիճական արձանագրություններ հավաքելու բնդհանուր ծրագիր, հաշվի առնելով անհատների մոտ արդեն հավաքված և ինստիտուտի գրվանում պահվող ժողովածուները, որպեսզի չկրկնվի արդեն իսկ կատարված աշխատանքը:

Կ. ՂԱՆԱԿԱՆՅԱՆ

Г. А. БРУТЯН, *Теория познания общей семантики*. Издательство АН Армянской ССР, Ереван, 1959, 320 стр., цена 1 р. 23 к.

Среди буржуазных школ современной философии и логики широким распространением пользуется неопозитивизм, придерживающийся взгляда, что единственным источником знания являются субъективные

восприятия. В рядах неопозитивистов наиболее заметную роль играют семантики. Под семантикой, или семасиологией, ныне разумеется наука о значениях, учение об отношениях между знаками, т. е.

между словами и предложениями, с одной стороны, и обозначаемым — с другой. В семантике очень ярко проявляется наиболее характерная черта современной буржуазной мысли — агностицизм.

В нашей советской литературе нет вообще ни монографий, ни крупных исследований, посвященных подробному критическому анализу философских предпосылок семантики, хотя в этом чувствовалась настоятельная нужда.

Семантика, или семасиология, еще в XIX в. стала привлекать широкие круги филологов, которые занялись разработкой проблематики семантики, как специальной лингвистической науки. Лингвистическая семантика, которая изучает смысловую сторону слов и выражений, имеет перед собой широкие перспективы для своего дальнейшего развития. В советской литературе можно назвать интересный труд, вышедший в 1957 г. — «Семасиология» В. А. Звегинцева.

Не менее важна семасиология для развития проблематики математической логики. Следует признать, что логическая семантика — исключительно плодотворная научная дисциплина, роль которой весьма значительна при построении формализованных, аксиоматических систем. Но наряду с этой плодотворной ролью семантических исследований за рубежом начинает все резче обозначаться и отрицательное, реакционное влияние семантики, как сугубо идеалистического философского направления на Западе и в Америке.

Философия общей семантики возникла сравнительно недавно — в 30-х годах XX в. Ее возникновение связано с опубликованием книги основателя данной школы, американского философа Альфреда Кожибского (Korzybski). Кожибский — ученый польского происхождения, жил и работал в Америке. Первое издание его основной работы — «Наука и здравомыслие. Введение в неаристотелевскую систему и общую семантику» — вышло в 1933 г.

Итак, на одном полюсе семантических школ сосредоточены важнейшие приобретения языкознания и логики, на другом — проповедь идеализма. Просто отмахиваться от этого нельзя; надо отделить рациональное зерно от негодной шелухи. В связи с этим нельзя не приветствовать появление книги

Г. А. Брутяна, в которой оценивается множество разнообразных книг и изданий, касающихся семантики и характеризующих состояние данного вопроса в наши дни.

Работа распадается на восемь глав. Каждая из них представляет самостоятельный очерк по тем или иным проблемам, связанным с семантикой. При этом все они — проблемы философской значимости, сформулированные в свете марксистской науки. Такова, например, тема: «Решение семантиками основного вопроса философии» или «Агностицизм общей семантики». Г. Брутян сгруппировал весь изученный им материал вокруг некоторых центральных гносеологических проблем и проанализировал их.

В первой главе (Введение) автор останавливается на основных, исходных понятиях, связанных с философией семантики. В основе разбора лежит классификация Карнапа, которая различает семиотику, прагматику, семантику и синтаксис. Семиотика — это общая теория знаков и языков. Прагматика исследует язык, учитывая, прежде всего, говорящего, его отношение к обозначаемому. Семантика абстрагируется от говорящего, изучая язык со стороны соотношения выражений и обозначаемого ими. Синтаксис абстрагируется и от обозначаемого («референта»). Близка к этому пониманию и классификация Ч. Морриса, раскрываемая в той же первой главе. В этой же главе автор устанавливает различие между «академической семантикой», изучающей лишь некоторые теоретико-познавательные проблемы, а также логические проблемы, и «общей семантикой».

В философском течении семантики стали усиливаться претензии в сторону распространения ее на смежные дисциплины. Представители «общей семантики» стремятся обосновать тот тезис, что она находит свое законное приложение во всех областях науки, а также в общественной и личной жизни людей. На страницах журналов США и других буржуазных стран появляются статьи под заглавиями: «Общая семантика в международных отношениях», «Общая семантика в деловом мире», «Общая семантика в деле воспитания» и т. п. Семантики объединились в ряде организаций и журналов. Так, в США имеются «Международное общество общей семантики», «Международный институт общей се-

мантики», два органа по общей семантике: «Бюллетень общей семантики» («General Semantics Bulletin») и журнал «Обозрение общей семантики» («ETC: A Review of General Semantics»).

Кожибский претендует на искоренение социального зла средствами семантической философии. Общая семантика выдвигается не только как общий метод науки, но и как метод современной жизни. Так, семантик Чейз заявляет, что капитализм — это пустая абстракция, она изгоняется средствами семантики. Он пишет: «Радикалы ненавидят «капитализм», но такого животного нет, они ненавидят пустоту. Это все равно, что ненавидеть дьявола. Кто такой дьявол? Что такое «капитализм»? С таким же успехом можно нервничать, ненавидя «марсиан». Таким образом, семантика якобы может улучшить наше самочувствие, изгоняя все ненужные страхи и сомнения. При помощи языка мы легко от них отделяемся. У слова «коммунизм» не оказывается «референта», т. е. нет объекта, на который направлен акт мысли, или, согласно словупотреблению семантиков, нет самого обозначаемого, или того, что соответствует слову. Так «празднуют» семантики свою победу над социализмом и коммунизмом. Соответствующие выражения, по их взглядам, просто надлежит скинуть со счета.

Вторая глава, являясь продолжением «Введения», рассматривает основные принципы семантики: пропозициональные функции, операциональные определения, теорию типов, принцип неидентичности, принцип не-всего и др. Касаясь пропозициональных функций, автор правильно указывает на то, что это понятие трактуется у семантиков расширительно, в связи с чем ступенчается различие между функцией предложения и самим предложением, выражая пристрастие семантиков к абстракции. Принцип «не-всего» в переводе на язык слов означает: что бы мы ни говорили о какой-нибудь вещи, о качестве и т. п., мы не можем сказать всего. Оба принципа нужны семантикам для того, чтобы обосновать тезис, что все наши предложения являются символами без определенного содержания.

К чему ведут эти и другие перечисленные принципы семантической философии, — раскрывается в третьей главе, где речь идет о том, как относится семантика к решению

основного вопроса философии. Для семантиков цель философии — логическое уяснение мыслей. В таком случае сущностью философии является логика. Логика же занимается исключительно анализом форм и правил языка (стр. 80). При таком истолковании становится совершенно понятным, каким образом семантики объявляют философию внеклассовой, а свое учение — стоящим выше материализма и идеализма. Все дело не в материализме и идеализме, а в логическом анализе, который сводится к анализу лингвистическому. В сущности говоря, такие принципы «общей семантики», как принцип не-идентичности, не-всего, саморефлексии, это типичные принципы релятивизма. Язык вовсе не есть выражение мыслей, он сам формирует характер реальности (стр. 85). Не действительность, которой мы не можем знать, определяет наше познание, — приходится утверждать обратное: без нашего восприятия, без субъекта не существует ни мира, ни окружающей природы. В конечном счете для ряда семантиков действительность создается нашей нервной системой (Хайакава), или, как говорит другой семантик, мы сами в некоторой мере создаем факты (Джонсон) (стр. 93). В сущности та же мысль выражена в следующей формулировке: «Природа интерпретации всегда зависит от природы интерпретирующего» (Уолпол). В конечном счете единственной реальностью оказываются язык и интерпретация слов и выражений. Прав автор, когда он сводит в разбираемой главе основные установки семантики к принципиальной координации между «я» и «не-я», выдвинутой философией эмпириокритицизма и махизма еще в конце прошлого века и признанной Лениным за типичное проявление релятивизма XX века.

В четвертой главе — «Агностицизм общей семантики» — устанавливается, что для семантиков все наши знания оказываются «знаковыми», отрицается всякое сходство между ощущениями, мыслью, с одной стороны, и предметами — с другой. В главе пятой показывается, что семантика, по существу, есть система правил — и только. А в таком случае проблема истины сводится на нет и начинается заигрывание с прагматизмом: «Общество считает «истинными» те системы классификации, которые приводят к желательным результатам» (стр. 140).

Автор приводит такое выразительное нигилистическое толкование семантика Джемса Рассела Лоувилла: «Истина, в конце-то концов, каждому представляется по-разному. Она лежит на дне колодца, и тот, кто смотрит вниз в поисках ее, видит свой собственный образ на дне и убежден, что он не только увидел богиню, но что она выглядит намного лучше, чем он представлял себе» (стр. 138).

Особый интерес представляет глава седьмая — «Критика общесемантической трактовки аристотелевской логики». Уже из указанного выше явствует полная противоположность и несовместимость строго объективной логики Аристотеля и «новой» логики того же Кожибского. Для Кожибского, как и для Чейза, Аристотель, изучив современный ему греческий язык, описал его логическую структуру и тем самым создал свою логику (стр. 204). Американец мыслит не так, как хопи, китаец или житель Трабрианского острова. Логика Канта непонятна для китайца в связи с различием немецкого и китайского языков (стр. 205). «Общие семантики» обвиняют логику Аристотеля в двувалентной ориентации и противопоставляют ей так называемую многовалентную ориентацию «общей семантики». Отсюда «общие семантики» делают свои социологические выводы, что двувалентная ориентация ставит вопрос о необходимости выбора между материализмом и идеализмом, коммунизмом и капитализмом и является, таким образом, ориентацией «тоталитарных систем». Многовалентная же ориентация составляет оплот «подлинной» демократии и многопартийной системы. Автор правильно показывает, что многозначная логика может быть раскрыта лишь при признании двузначной логики.

В седьмой главе попутно раскрывается вопрос о взаимоотношении формальной и диалектической логики. Экскурс в данную область вполне законен, и проблема автором решается в целом правильно. Но в этой части не со всем, в ней написанным, можно безоговорочно согласиться: имеются недоговоренности и даже эквивкации. Так, на стр. 226 речь идет о качественной определенности предметов, а на стр. 227 вслед за

тем говорится об определенности мысли. Но это—два совершенно различных плана и это различие остается неразъясненным, в связи с чем специфика формальной логики, как выдвигающая основным критерием определенность мысли, неправомерно онтологизируется.

В итоге следует признать, что книга в целом, несомненно, ценная. Она дает много важных сведений по семантике и, вместе с тем, своей критикой верно ориентирует читателя. При всем этом приходится признать, что автор сосредоточился лишь на критической части исследования, вскрыв идеологические пороки анализируемых учений семантической философии. Что же касается ее положительной стороны, то Г. Брутян ограничился лишь беглыми указаниями (на стр. 5 и 22). Не хватает одной важной главы: о достижениях математической логики в связи с работами логиков-семантиков. Мы теперь убедились и в практической роли логических формализаций вообще и специально в значении формализованных языков. Математическая логика применяется при решении как математических, так и технических проблем; она имеет важное значение при разработке проблем кибернетики и т. п. Семантика здесь внесла свой положительный вклад в науку. «Идеальный» язык, выдвигаемый «общими семантиками», разумеется, не может заменить живые разговорные языки, но служит важным методологическим средством как в вопросах общего языкознания, так и в практике исчислений, разрабатываемых математической логикой. Здесь достаточно упомянуть такой труд, как недавно переведенное на русский язык «Введение в математическую логику» Алонзо Черча, базирующееся на понятии имени и принципе формализации языков. Внимание к семантическим вопросам оказывается весьма плодотворным для разработки вопросов и математической логики. Это следовало раскрыть в развернутом виде.

П. ПОПОВ,

профессор Московского государственного университета им. Ломоносова